

УДК 93
ББК 63.3
М – 18

Галкин Александр Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета, т.: (8612)34421

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ В
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЯХ 1862-1904 гг.**
(рецензирована)

Статья посвящена анализу общественного значения и политической роли адвокатуры в жизни пореформенного российского общества. Автором освещаются основные проблемы организации и деятельности адвокатского сообщества, вызывавшие наиболее острую полемику в печати.

Ключевые слова: судебная реформа 1864г., российская адвокатура, дореволюционное судопроизводство.

Galkin Alexander Georgievich, Candidate of History, associate professor of the Kuban State Agrarian University, tel: (8612) 34 421

**CURRENT ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN
ADVOCACY IN PUBLIC DISCUSSIONS 1862-1904-s**
(Reviewed)

This article analyzes the social significance and political role of advocacy in the post-reform life of Russian society. The author highlights the main problems of the organization and operation of the legal community that caused the most contentious issue in the press.

Keywords: judicial reform of 1864, Russian bar, pre-revolutionary proceedings.

Наиболее прогрессивная из всего комплекса «буржуазных реформ» Александра II реформа судопроизводства 1864 г., введившая открытый, гласный суд, состязательность обвинения и защиты, существенно изменила политико-правовую жизнь страны. В сложившемся под ее влиянием качественно новом судебно-правовом пространстве особое место заняла адвокатура. Несмотря на определенные ограничения, следует согласиться с мыслью современника о том, что уже изначально: «Присяжные поверенные в судебном заседании были поставлены независимее, чем во Франции, от произвола суда и прокуроров» [1].

Впрочем, определенные вопросы, связанные с организацией и деятельностью адвокатуры стали возникать уже на стадии разработки судебной реформы. Так, к примеру, весьма остро современниками ставился вопрос о кадрах будущих защитников. К примеру, реагируя на опубликование «Основных положений преобразований судебной части в России», Б. Чичерин писал: «Начертать закон – дело

сравнительно легкое. Но найти людей, направить их к благой цели, вдохнуть в них дух правды и чести ... вот задача, с которой едва ли что может сравниться» [2].

Действительно, проблема с кадрами долго стояла остро. Но она не являлась неразрешимой. Еще Ф.М. Достоевский указывал, что человеческий потенциал для новых судебных институтов огромен, в частности, выделяя особо: «страшно обедневшее и ни при чем находящееся дворянское сословие, особенно второго и третьего разрядов» [3].

Адвокатская деятельность изначально привлекла к себе всеобщий интерес, а адвокатура превратилась в стремительно развивающийся институт. Она не только вызвала огромный интерес у профессионалов, видных юристов своего времени, но и приобрела огромную популярность в обществе. Даже некоторые из славянофилов, в целом, стоявших на позициях критики судебной реформы, признавали «соответствие» суда присяжных и адвокатуры исконно русским историческим началам [4].

И общество вначале приняло новый институт восторженно. Тем более, что на адвокатуре лежал несомненный отблеск оппозиционности правительству, власти. Это особенно ярко показали политические процессы 1870-х годов, к примеру, имевшее невиданный общественный резонанс оправдание в 1878 году террористки В. Засулич (адвокат П.А. Александров).

Осознавая опасность складывания отмеченной тенденции, власти даже попытались изменить статус адвокатуры (проект Министерства юстиции (К.И. Пален) о предоставлении министру права лишать присяжного поверенного его звания). И хотя эти планы не были реализованы, тем не менее, из компетенции суда присяжных был изъят ряд составов государственных и должностных преступлений [5]. Изъятие из ведения адвокатов таких дел, в известной степени, способствовало возникновению кризиса адвокатуры: «Адвокатура лишилась самой видной платформы для своей деятельности и вместе с ней лишилась общественного сочувствия» [6].

Параллельно с этим, на присяжных поверенных обрушилась вся мощь правой прессы («Гражданин», «Московские ведомости», «Русский вестник» и пр.). Причем ее редакторы (М.Н. Катков, В.П. Мещерский и пр.), публицисты получили поддержку со стороны влиятельных сановников (К.П. Победоносцев и пр.).

Ситуация осложнялась тем, что уже с самых первых шагов нового института внимание общества все больше привлекали очевидные проблемы, многочисленные недостатки, «дефекты» в его организации и деятельности. Вначале гнев общества был обращен на отдельных присяжных поверенных, действовавших, по мнению общественности, вопреки понятиям справедливости, общественного блага. Так, к примеру, дело братьев Мясниковых 1872 года, по которому присяжные вынесли оправдательный вердикт, родило волну возмущения против весьма уважаемого адвоката К.К. Арсеньева. Даже известный прокурор А.Ф. Кони заметил, что в разговорах, в печати поистине «вопили о полученном им за свой тяжелый и продолжительный труд вполне законном вознаграждении» [7].

В дальнейшем тема корыстной природы адвокатской деятельности, корысти, мздоимства стала особенно популярной. Растущий скепсис в отношении честности адвокатов даже нашел отражение в презрительном прозвище «крапивное семя».

Таким образом, в центре общественного внимания оказались вопросы адвокатской этики («правые» и «неправые» дела, «погоня за гонорарами» и пр.). Особенно старались в раскручивании данной проблематики правые издания, помещавшие массу обличительных статей [8]. Присяжный поверенный рисовался в них как предельно циничный, безнравственный человек, ставящий превыше всего свой корыстный денежный интерес и готовый на любые махинации и подтасовки [9].

По мнению М. Винавера, здесь сказался объективный тренд эволюции общества, не получившего в должной мере реализации своих ожиданий о некоей преобразующей работе адвокатуры, имеющей особую социальную задачу. Наряду с делами, имевшими громкий резонанс, на практике «явилась та серая, повседневная работа, идущая вдали от большой дороги общественных или политических течений, - ограждающая право, ... вырывающая жертву столько же из рук прокурора, сколько из рук ослепленного страстью общества, - работа, руководимая одним только сознанием святости права. И обществу показалось, что адвокаты перестали исполнять свою миссию. Сатира стала бичевать» [10].

В свою очередь, Г. Джаншиев констатировал: «Пора очарованья 60-х годов прошла, и наступило время реакции и скептицизма 70-х годов». Причем «В гонениях на адвокатуру сошлись представители двух противоположных лагерей – реакционеры и либералы». Фиксируя парадоксальное единство консерваторов и либералов, адвокаты, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечали, что последние «не ведают, что творят» [11].

Впрочем, исходный пункт, природа либеральной и консервативной критики, несомненно, были различны. Консервативная печать ополчилась на адвокатов (и на суд присяжных в целом) в первую очередь из-за их независимой позиции, особенно разительной в целом ряде громких политических дел, по которым были вынесены оправдательные приговоры. Либеральная же пресса была недовольна в основном «недостойным поведением» адвокатов при защите уголовных дел. Впрочем, эту тему, как более «выигрышную» для разоблачителей, активно подхватили и консерваторы.

Прежде всего, прессу озаботил вопрос гонораров: «общество, падкое на сильные выражения, заговорило об «адвокатских кушах» и – что всего страшнее – о «торге правосудием»» (в данной связи М. Винавер справедливо указывал на то, что гонорары, как и различия в их размере, – вещь вполне логичная - ведь «во всяком искусстве таланты вознаграждаются неравномерно»). Таким образом, уже в начале 1870-х годов: «Общество вознесло адвокатуру на пьедестал и затем низринуло ее в пропасть» [12].

Лишь с конца 1970-х годов ситуация, порожденная безудержной критикой адвокатуры «справа» и «слева» начала постепенно выправляться: «в самое последнее время эти односторонние нападки на адвокатуру почти прекратились» [13]. Наряду с

этим, началась, хотя и робкая, критика других властных структур (прокуратуры и пр.). В частности, более популярным объектом для критики стала полиция.

Тем не менее, вопросы адвокатуры продолжали обсуждаться весьма активно. Помимо темы «гонимых» в центре внимания общества находились и многие другие вопросы, выдвигавшиеся адвокатской практикой.

К примеру, один из них высветил конфликт Совета присяжных поверенных Окружной Московской судебной палаты с присяжным поверенным Березницким в связи с отказом последнего от защиты крестьянина Влазнева. Адвокат считал для себя невозможным взять на себя бесплатную защиту человека, назначенного ему Советом («по праву бедности») как по юридическим, так и по нравственным основаниям, что понудило Совет к наложению на него взыскания [14].

В данном случае мнения в адвокатском сообществе разделились. В частности, известный адвокат и публицист Г. Джаншиев, комментируя конфликт, однозначно высказался в защиту права адвоката не брать на себя защиту по заведомо «безнравственным» искам, причем специально уточнил, что «бедность не застраховывает от искушения предъявлять заведомо неосновательные и безнравственные иски» [15].

С 1870-1880-х гг. дискуссии об адвокатской этике, прежде всего, о самой возможности соблюдения нравственного начала, набирали силу непосредственно в адвокатском сообществе, отвечавшем на фундаментальный вопрос: «мыслима ли честная адвокатура»? Важное значение в это время приобрела проблема возможности для адвоката защищать заведомых преступников. Решая ее, адвокатское сообщество, общество в целом, в основном склонялись к тому, что адвокат не может вести «неправых дел», так как это «безнравственно» [16].

В данном плане наиболее известен, пожалуй, спор Г. Джаншиева и Д. Невядомского. Его исходным пунктом стало обсуждение «дисциплинарного дела» присяжного поверенного А.В. Лохвицкого, возникшего в связи с защитой последним некоего Элькина, мошенническим путем завладевшего имуществом вдовы Поповой. Учитывая, что в данном случае адвокат активно отстаивал заведомо безнравственные, «бесчестные» требования, Московский совет присяжных поверенных и Московская судебная палата осудили его поведение. Однако кассационная инстанция (Сенат) оправдал его действия (решение №1 за 1879 г.) в связи с отсутствием самого факта нарушения адвокатом закона.

Для доминировавшего общественного мнения более близкой оставалась все же позиция Г. Джаншиева, требовавшего от адвоката не допускать никаких компромиссов с совестью, остро критиковавшего «направление» в адвокатуре, которое, «не отрицая возможности для адвоката честного служения правосудию, не придает этому обстоятельству существенного значения, считает его хотя и желательным, но не необходимым» [17]. В феврале 1886 года, в предисловии к первому изданию работы «Ведение неправых дел (Этюд по адвокатской этике)», он писал, что задача адвоката: «Способствовать тому, чтобы на суде внешняя законность

не прикрывала внутреннюю неправду, чтобы приличная форма не скрывала под собою отвратительного содержания, вот трудная, но достойная задача, выдвигаемая идеалами адвокатской этики» [18]. Это требование не могли отменить никакие тезисы о «свободе действий» адвоката и т.п.

Но если в печати доминировало осуждение «неправых дел», то в реальной практике такие дела получали все большее распространение. Поэтому в жизни более востребованной была установка, озвученная тем же Д. Невядомским – адвокат должен выступать по всякому делу, которое сам сочтет для себя приемлемым [19]. В данной связи заметим, что сообщество присяжных поверенных вообще весьма остро реагировало на попытки как-то ограничить его самостоятельность, вмешаться в его дела.

В конце 1980-х – начале 1900-х гг. общественную дискуссию стимулировала разработка все новых проектов реформирования адвокатуры, обусловленная недовольством ее общественно-политической активностью со стороны властей. В частности, «тяжелое впечатление» у прогрессивной адвокатуры оставили новые правила о помощниках присяжных поверенных, принятые Московским окружным судом 3 марта и вступившие в действие с 15 апреля 1890 года (ряд ограничений для адвокатов и их помощников: возможность иметь только одного помощника, обязательное выправление для помощников свидетельства на звание частного поверенного, запрет «самостоятельной практики» помощников в течение 5 лет и пр.) [20].

Однако поскольку к концу 1890-х гг. политическая активность адвокатуры несколько снизилась, правительство так и не пошло на принятие жестких мер. С другой стороны, как общественность, так и самих адвокатов к этому времени привычные «этические» темы, похоже, уже утомили. В частности, по вопросу о гонорарах, необходимости их упорядочения в работе очередной правительственной комиссии начала XX столетия М. Винавер заметил: «Вся эта нормировка не представляет в общем сколько-нибудь значительного интереса» [21].

В целом, «нравственные» вопросы становились все менее интересными и обществу, и правительству. К тому же, приближение 40-летнего юбилея судебной реформы, а также принятие расширивших возможности участия адвокатов в делах «политического» характера законоположений 1904 года, вновь усилили общеполитическое значение адвокатской деятельности. Общество вновь всерьез озаботилось общественной ролью адвокатуры.

Таким образом, очевидно, что становление и развитие института адвокатуры в условиях пореформенной России сопровождалось весьма острыми общественными дискуссиями. При этом в своем отношении к новому институту общественность обнаружила, с одной стороны, широкий спектр, а с другой – крайнюю неустойчивость оценок. От очевидной идеализации конца 1860-х – начала 1870-х гг. она быстро перешла к почти огульной критике адвокатуры. При этом в потоке критических выступлений парадоксальным образом слилась критика консерваторов и либералов. Лишь с конца

1870-х гг. последние поняли свою ошибку, связанную с опасностью обобщений частных недостатков в работе адвокатуры. Это позволило в 1880-1900-е гг. постепенно снять болезненную остроту отмеченной проблематики. В последующем, по мере роста оппозиционных настроений, адвокатура, по сути, все более превращалась в мощное общественное движение ярко выраженного оппозиционного оттенка.

Литература:

1. Беликов С. Адвокатура в России // Журнал Министерства юстиции. 1863. №2. С.274.
2. Новое время. 1862. 3 окт.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1980. Т. 20. С.180.
4. Юрин Г. О новом суде // День. 1863. 16 февр.
5. Гессен И.В. История русской адвокатуры: адвокатура, общество и государство. 1864-1914. М., 1914. Т.1. С.238.
6. Винавер М.М. Адвокатура и правовое государство. СПб., 1905. С.25.
7. Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1967. Т.4. С.171.
8. Панаев П.П. Новые судебные учреждения // Гражданин. 1884. №15-16. С.12.
9. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1881. М., 1997. С.63.
10. Винавер М.М. Очерки об адвокатуре. СПб., 1902. С.33.
11. Джаншиев Гр. Беглые заметки по поводу последнего отчета Московского Совета присяжных поверенных (1876-1877). М., 1878. С.1.
12. Винавер М.М. Указ. соч. С.35.
13. Джаншиев Гр. Указ. соч. С.3.
14. Отчет Совета присяжных поверенных Окружной Московской судебной палаты 1885-1886. М., 1886.
15. Джаншиев Гр. Вопросы адвокатской дисциплины. М., 1887. С.9.
16. Платонов С.О. О русской адвокатуре // Журнал гражданского и уголовного права. 1875. №7. С.34-55.
17. Джаншиев Гр. Ведение неправых дел (Этюд по адвокатской этике). М., 1887. С.1.
18. Там же. С. XXIV.
19. Нежданский Д. Вечные вопросы адвокатуры: по поводу «Этюда по адвокатской этике» Гр. Джаншиева. М., 1886.
20. Джаншиев Гр. По поводу новой организации помощников присяжных поверенных. М., 1890.
21. Винавер М. Указ. соч. С.28.